

Тарунина Н. В.

ПРОЯВЛЕНИЕ НЕМЦЕФОБИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И СТОЛИЧНАЯ ПЕЧАТЬ В 1914-1917 ГОДЫ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/7-2/46.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 7 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 141-144. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

марксистское определение буржуазии. Причем, между понятием «мелкая буржуазия» и производным от него прилагательным «мелкобуржуазный» у Ленина имеется существенное различие. Если первое – суть политэкономический термин, второе – выступало скорее социально-психологическим определением [Овсянников, 1997, с. 57].

Отсюда, социалисты и их партии, не согласные с большевистской доктриной, в ленинской интерпретации превращались в мелкобуржуазные. То, что речь у Ленина шла именно о психологической характеристике, видно из его отношения к меньшевикам. Имея единые конечные цели, руководствуясь одними документами (программой, уставом), проводя общие съезды, меньшевики, разошедшись с Лениным и его сторонниками, превратились в ленинских ретроспективных оценках в «мелкобуржуазную партию врагов народа».

Советская историческая литература об эсерах и меньшевиках стала формироваться в годы гражданской войны и сразу после ее окончания, когда были заложены концептуальные основы: рассмотрение умеренных социалистов как «мелкобуржуазных», «антисоветских», «соглашательских» деятелей, поддерживавших контрреволюцию и развязавших вооруженную борьбу. Эта литература была частью глобального государственного проекта по конструированию образа революции, гражданской войны и истории большевистской партии. Газеты, листовки, школьные учебники, исторические труды, митинги и праздники, агитпоезда, фотографии, кинофильмы, показательные судебные процессы (в первую очередь 1922 и 1931 гг.) формировали «основополагающие нарративы» нового режима, включавшие ряд ключевых символов и сюжетов, в том числе и о «врагах революции». Именно поэтому «большевистский вариант» истории революции был более успешен по степени массового и эмоционального воздействия. Позиция демократических социалистических партий, которые оказались в положении проигравших, была явно более слабой. Эсеры и меньшевики в своих работах, преимущественно историко-мемуарных, лишь реагировали на сотворение большевиками новой революционной традиции с ее символами и ключевыми образами. Успешность формирования нового исторического сознания зависела и от того, насколько большевикам удастся вовлечь население в процесс его создания – в конечном счете, в процесс своеобразного «конструирования прошлого». С помощью самых разнообразных средств печатной и массовой пропаганды власть в конечном счете сумела создать к 1930-м гг. такой образ истории социалистических партий, который переживался на уровне личной и групповой памяти и обеспечил людей тем языком, которым они выражали свои воспоминания.

Список литературы

- Алексеева Г. Д.** Историческая наука в России. Идеология. Политика (60–80-е годы XX века). М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003. 248 с.
- Афанасьев Ю. Н.** Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 31–37.
- Бычков С. П., Свешников А. В.** Проблема феномена советской историографии // Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. Омск, 2005. С. 299–323.
- Данилов В. Н.** Власть и формирование исторического сознания советского общества: курс лекций. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005. 192 с.
- Добренко Е.** Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 424 с.
- Мальшева С. Ю.** Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. 400 с.
- Овсянников А. А.** Эпоха в советской исторической науке: В. И. Ленин // Историческая наука в России в XX веке. М., 1997. С. 52–78.
- Corney F.** Telling October: memory and the making of the bolshevik revolution. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2004. 301 p.
- Litvin Alter L.** Stalinism: Russian and western views at the turn of the millennium / Alter Litvin and John Keep. London; New York: Routledge, 2005. 248 p.
- Mazour A.** The writing of history in the Soviet Union. Stanford: Hoover Institution Press, 1971. 383 p.
- Papazian E.** Manufacturing truth: the documentary moment in early soviet culture. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2009. 282 p.
- Shtepa K. F.** Russian historian and the Soviet State. New Brunswick: Rutgers University Press, 1962. 437 p.

ПРОЯВЛЕНИЕ НЕМЦЕФОБИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И СТОЛИЧНАЯ ПЕЧАТЬ В 1914–1917 ГОДЫ

*Тарунина Н. В.
Волгоградский государственный университет*

С начала Первой мировой войны Россию заполнили зловещие слухи о «внутренних немцах». Общество буквально было охвачено фобиями и шпиономанией. Опубликованные прессой свидетельства о жестоком обращении с российскими путешественниками, настигнутыми войной в Берлине [Н. Н., с. 2], произвели сильное впечатление на население. 22 июля (4 августа) 1914 года в столице вспыхнул погром. Так описывает произошедшее консервативная газета «Новое Время»: «Толпа в несколько тысяч человек с криками «долой немцев», «бей их!», направилась по Невскому. В это время кто-то из толпы крикнул, что на углу Садо-

вой против места, где русские люди ежедневно собираются выражать свои патриотические чувства, помещается немецкая кофейня, из окон которой, быть может, немецкие шпионы наблюдают за русскими и доносят своему правительству. Толпа немедленно потребовала закрыть кафе и, вошла внутрь и разбила все стекла. После этого толпа манифестантов направилась к редакции газеты «Zeitung». В помещении редакции были разбиты стекла» [Отношение к немцам, с. 2]. Погрому подверглось так же германское посольство.

10 октября 1914 года в Москве прошли стихийные выступления против немцев, вовлеченных в экономическую жизнь города. Было разгромлено и разграблено несколько продовольственных лавок и магазинов, принадлежащих немцам, в том числе популярные среди горожан кондитерские магазины Эйнема в Верхних торговых рядах и у Ильинских ворот [Гагагова, с. 19]. При этом даже сторонники ограничительного законодательства, признавали значение провокационной деятельности прессы. Вот мнение петроградского градоначальника князя А. Оболенского в письме от 31 января 1915 года князю А. И. Трубецкому в Ашхабад: «Ты пишешь, что я напрасно штрафую Суворина, но ведь он ведет шантажную борьбу, требуя денег с разных немцев и вообще лиц с немецкими фамилиями» [Там же].

В перлюстрациях за 1914 год отразились представления о «внутренних врагах», оценка деятельности правительства в отношении австрийских и германских подданных и, самое важное, атмосфера, царившая в российском обществе. В одном из сообщений отмечалось: «Многие охвачены шпиономанией. То им чудится аэроплан, то неприятельский отряд. Изловить шпионов - самоновейший и самородный лозунг. Стараются и крестьяне, и интеллигенция, и власти местные» [ГАРФ, оп. 265, д. 993, л. 1220].

Под влиянием печатной пропаганды и агитации националистически настроенных политиков власти начали разработку ликвидационного законодательства. Бойкот немецких магазинов, волна увольнений, высылки по доносам - становились повсеместными явлениями. «Шпиономания не щадила никого, - вспоминает генерал генштаба Ю. Н. Данилов, - и самые нелепые и гнусные обвинения возводились на людей с безупречным именем [Данилов, с. 164].

«Усердия» населения по выявлению врагов доходили до полного абсурда. Журнал «Русские записки» напечатал показания чиновника Астраханской губернии, Дурова о наблюдении в калмыцких степях за «тучками продолговатой формы, плывущими вопреки природе» и оказавшимися при внимательном рассмотрении германскими дирижаблями. Ведущий публицист журнала В. Мякотин писал: «Даже «Новое Время» не усмотрело в этих случаях подходящего повода для разговоров о немецких интригах и озаглавило свою заметку: «Цеппелина ищут», ядовито прибавив в тексте: «поймать на этот раз не удалось». Да и в самом деле, вздорность распушенных слухов была слишком уже очевидна. Как могли немецкие цеппелины добраться до Калмыцкой степи, да и зачем собственно им было летать над нею?» [Мякотин, с. 320-322].

Случалось, что сами журналисты принимали непосредственное участие в задержании лиц, заподозренных в шпионстве. Об одном из таких случаев сообщал лифляндский предводитель дворянства барон А. А. Пилар фон Пильхау, докладывая в Министерство внутренних дел о высылке по подозрению в шпионской деятельности семидесятилетнего Константина фон Раутенфельда, при обыске и аресте которого первоначальную роль играл корреспондент газеты «Новое время» А. Тупин [Андреева, с. 471].

Протестуя против «непатриотических» действий граждан кадетская газета «Речь» печатала письма пострадавших от доносительства и произвола властей лиц. В статье «Не троньте школы» от 14 (27) февраля 1915 года помещено сообщение от неизвестного, возмущенного несправедливостью, постигшей учительницу его дочери. «Немку, русскую подданную во многих поколениях, быть может, имеющую близких людей в нашей армии на войне, превратили в германскую подданную. Русские национальные цвета - в германские. Стихотворение Гейне, скончавшегося более полувека тому назад, в гимн Вильгельму II. На основании слов какой-то глупой девочки, быть может, обиженной плохой отметкой, состряпали донос на учительницу с обвинением в германофильстве, и довольны!» [А. И., с. 2].

Наиболее остро проблема «немецкого засилья» встала в ходе погрома в Москве, с 27 по 29 мая 1915 года. На Тверской, Петровке, Мясницкой и других улицах были разгромлены все торговые помещения, имевшие иностранные вывески. Всего было разбито 732 отдельных помещения: магазинов, складов, контор и даже частных квартир с убытком по определению тех из потерпевших, которые об убытках заявили, на сумму 50 млн. рублей. Число убитых составляло 5 человек. Число погромщиков в общей сложности достигало более 100 тысяч [Гагагова, с. 22].

Комиссия, собранная для расследования произошедшей трагедии так ничего и не обнаружила. Открытым остается вопрос о причинах бесчинств. Официальная точка зрения отражена в отчетах московских властей в департамент полиции: «Неопределенность отношения правительственных органов к положению проживающих в России подданных враждующих с нами государств - указывает Московский городской голова М.В. Челноков, - и открывшаяся в связи с этим в некоторых органах периодической печати настойчивая кампания против немецкого засилья, превратившаяся в розыск и травлю отдельных лиц германского происхождения, с опубликованием списков торговых и промышленных предприятий и призывом к бойкоту их, послужили, по-видимому, причиной возникновения в Москве 27-29 мая сего года уличных беспорядков» [ГАРФ, оп. 245, д. 246, л. 6].

«Озлобление населения г. Москвы против немцев и всего «немецкого» - отмечалось в одном из полицейских рапортов, - возникло не сразу, а нарастало постепенно, под влиянием массы причин, из которых главнейшими явились ежедневные сообщения прессы всех направлений, в особенности, вечерних дешевых изданий, о немецких зверствах и о широком немецком шпионаже, и засилье, и сведения о наших военных не-

удачах» [Там же, л. 89]. Конечно, проще, видеть причину погрома в раздражении населения, накопившемся против немцев (они нас бьют на фронте, мы их – в тылу). Или соглашаться с исследователями В. Л. Дьячковым и Л. Г. Протасовым, полагающими, что майские беспорядки не были чем-то экстраординарным, представляя собой лишь «гимнастику» для толпы [Дьячков, с. 64]. По нашему мнению, причины столь трагических событий были намного глубже и серьезнее, нежели представляется на первый взгляд. Нужно отметить, что от погромов пострадали не только предприятия австро-германских и венгерских подданных, но и многие английские, французские, русские фирмы и магазины (90 человек с русскими фамилиями, 113 – германские и австрийские подданные, 489 – русские подданные с иностранными фамилиями) [Там же, л. 8]. Генерал Ю. Н. Данилов вспоминал, что «союзники увидели проявление раздражения не только против немцев», а «против иностранцев вообще», почвой для взрыва народного негодования «послужили наши военные неудачи и, быть может, то одиночество, которое окружало нас вовне» [Данилов, с. 131]. Нельзя так же игнорировать содержание речей, произносимых в ходе беспорядков, об измене в царской семье, предательстве императрицы Александры Фёдоровны, колдовстве «старца» Григория Распутина [Там же, с. 130], призывы «все перевернуть». Так же не решен вопрос о составе участников погрома. Свидетели упоминали студентов, членов правых организаций, солдат, городские низы («оборванцы», «босяки», «все больше серый народ»), встречались даже дамы и прилично одетые люди [Гатагова, с. 22]. В отчетах департамента полиции содержатся сведения о принадлежности большей части погромщиков к рабочим. Без сомнения этот факт имел место, так как, прежде всего погромы коснулись предприятий, многие из работников которых просто поддались общему настроению. Свидетель Петр Мартынович Чуев признавался на следствии: «Погром был полной неожиданностью. Наши рабочие с Дингом жили хорошо и теперь высказывают сожаление» [Там же]. В обращении московских рабочих в городскую думу говорилось: «Погром вызван теми промышленниками, которые под шум войны хотят вытеснить конкурентов и захватить в свои руки всю русскую промышленность и обложить потребителя огромными налогами в свою пользу; погром вызван продажной прессой безнаказанно травившей беззащитных и разжигающей темные инстинкты масс» [ГАРФ, оп. 245, д. 246, л. 21].

До сих пор остается неясным, кто был организатором этих бесчинств. Единственное, что можно сказать с абсолютной уверенностью, это то, что бездействие властей и полиции облегчило зачинщикам проведение погромов. Пресса знала о происходящем в Москве с самого начала. А генерал-губернатор Ф. Ф. Юсупов, ярый германофоб настолько мало придавал значения этим беспорядкам, что не нашел даже нужным сообщить о них в Петроград. Министерство Внутренних Дел узнало обо всем только к вечеру 27 мая. Как вспоминал товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский: «Сам Юсупов не отдавал себе ясного отчета в том, что произошло, он считал, что это должно было случиться, что иначе быть не могло, что открылся клапан и вырвался народный гнев, что виной этому исключительно высшее правительство, стеснявшееся с немцами, он даже умилялся некоторыми сценами, коих он был свидетелем накануне, когда он где-то наблюдал грабеж и погромы» [Джунковский, с. 562].

В письме к редактору газеты «Русское слово» от 20 июня 1915 года говорилось: «Неужели они не понимают значения этой великой борьбы народов, когда на защиту Родины, кроме человеческих жизней, нужно принести все силы и богатства страны, когда, нужно не покладая рук работать для того, чтобы армия была хорошо вооружена, обута и одета. Как уже сообщалось во всех газетах о последствиях беспорядков, где пострадали не только немцы, но и свои Русские; насколько мне известно, сожжена фабрика чисто Русской владелицы (но только с иностранной фамилией) Елены Ивановны Браун. Еще к празднику Рождества Христова мы получили от нее подарки в большом количестве... были получены по почте посылки с подметками, бельем, подтяжками, конфетами и писчебумажными принадлежностями. Таких посылок было получено не одна, не две, а свыше двадцати штук. Не будем говорить уже, что переживала и переживает наша благотельница Елена Ивановна Браун, но будем говорить, сколько сот, а может и тысяч рабочих рук лишились заработка. Жаль Москвы и стыдно за своих соотечественников» [ГАРФ, оп. 245, д. 246, л. 99-99 об.].

Правительство пыталось ограничить поток провокационного материала в печати. Так 14 июня 1915 года цензура разослала губернаторам требование закрыть в административном порядке любое издание, возбуждающее против русских подданных немецкого происхождения, критикующее Министерство внутренних дел или призывающее к созыву Думы [Дейли, с. 39].

В перлюстрациях за 1916 год на фоне доносов на немцев встречаются так же письма, выражающие недовольство проводимой властями политикой, в результате проникновения «измены» в царские покои. «Наш двор онемечился, ибо Государь окружен немцами: вы не встретите фамилии с титулами графов, князей, баронов, и т.п. До чего дошло Русское Царство! Конец этому скоро будет!» [Андреева, с. 466].

Для установления причины эффективности печатной пропаганды наиболее справедливым на наш взгляд является объяснение, изложенное в полицейском донесении, от января 1917 года, согласно которому многие люди труда тратят «свои собственные деньги на газеты и иные развлечения, потому, что продовольствия негде взять» [Дейли, с. 40].

В целом, немцефобия, охватившая российское общество в 1914-1917 годы стала одним из центральных вопросов, рассматриваемых на страницах столичной печати, при этом ряд изданий оказали непосредственное влияние на ее обострение.

Список литературы

- А. И. Не троньте школы // Речь. 1915. № 277.
- Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и Первая мировая война // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX-XX веков. СПб., 1999.
- Гагагова Л. Хроника бесчинств: немецкие погромы в Москве в 1915 году // Родина. 2002. № 10. ГАРФ. Ф. 102.
- Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М., 2000.
- Дейли Дж. Пресса и государство в России (1906-1917 гг.) // Вопросы истории. 2001. № 10.
- Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2.
- Дьячков В. Л. Протасов Л. Г. Великая война и общественное сознание: превратности индокринации и восприятия // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999.
- Мякотин В. Среди фактов // Русские записки. 1915. № 12.
- Н. Н. Озверевшие немцы // Новое время. 1914. № 13785.
- Отношение к немцам // Новое время. 1914. № 13779.

ПРОБЛЕМЫ УНИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЛИЗИНГЕ: СООТНОШЕНИЕ НОРМ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

*Татарина С. С.
Самарский государственный университет*

Основным документом, регулирующим международный финансовый лизинг, является Конвенция УНИДРУА «О международном финансовом лизинге», принятая в Оттаве в 1988 году [СЗ РФ, 1999, № 32, ст. 4040]. Данная Конвенция является примером унификации материально-правовых норм в сфере международных коммерческих отношений. Во многих государствах она послужила базой для разработки норм национального законодательства о лизинге. Так, например, в России, в 1998 году был принят Федеральный закон «О лизинге» [Там же, 1998, № 44, ст. 5394; 2002, № 5, ст. 376]. Однако поскольку ряд положений Закона не вписывались в общую схему регулирования лизинговых отношений, он получил негативную оценку в литературе [Брагинский, Витрянский, с. 577]. В связи с этим в 2002 году в Закон были внесены существенные изменения, многие из которых базировались именно на положениях Оттавской Конвенции.

Конвенция УНИДРУА «О международном финансовом лизинге» является относительно небольшим документом и включает Преамбулу и 25 статей, выделенные в три главы: «Сфера применения и общие положения», «Права и обязанности сторон», «Заключительные положения». Конвенция содержит положения, касающиеся понятия международного финансового лизинга и признаков договора лизинга. По мнению В. В. Витрянского, это представляется наиболее важным, поскольку «сама конвенция – плод согласования различных подходов, имеющихся в законодательстве разных государств» [Витрянский, с. 229].

Относительно сферы действия Конвенция УНИДРУА содержит положения, схожие с положениями Венской Конвенции «О договорах международной купли-продажи товаров» 1980 года. Согласно ст. 3 Оттавской Конвенции, она применяется «когда коммерческие предприятия арендодателя и арендатора находятся в разных государствах и при этом: а) эти государства, а также государство, в котором поставщик имеет свое коммерческое предприятие, являются договаривающимися государствами; или б) как договор поставки, так и договор лизинга регулируются правом одного из договаривающихся государств».

Для того, чтобы к договору международного лизинга можно было применить нормы Оттавской Конвенции, важно также, чтобы сделка финансового лизинга была связана с государствами-членами Конвенции [Юсева, с. 514].

Кроме того, как и Венская Конвенция, данная Конвенция применяется лишь к сделкам, реализуемым в рамках коммерческого оборота, то есть не распространяется на лизинг оборудования, которое должно быть использовано в основном для личных, семейных или домашних целей арендатора (п. 4 ст. 1 Конвенции УНИДРУА).

Необходимо также отметить, что в соответствии с п. 1 ст. 5 Конвенции УНИДРУА 1988 года, применение Конвенции может быть исключено «только в случае, если каждая из сторон договора поставки и каждая из сторон договора лизинга дает на это согласие». Если же применение Конвенции сторонами не исключено полностью, то в соответствии с п. 2 ст. 5 Конвенции, стороны могут в своих взаимных отношениях отступать от тех или иных ее положений или вносить изменения в возможные их последствия. Исключения составляют лишь положения, касающиеся предусмотренных п. 3 ст. 8, пп. «б» п. 3 и п. 4 ст. 13 критериев ответственности.

Конвенция УНИДРУА «О международном финансовом лизинге» достаточно емкий документ, однако ей не под силу охватить все аспекты лизинговых сделок. Именно поэтому в ст. 6 Конвенции сказано, что «вопросы, относящиеся к предмету регулирования Конвенции, которые прямо в ней не разрешены, подлежат разрешению в соответствии с общими принципами, на которых она основана, а при отсутствии таких принципов - в соответствии с правом, применимым в силу норм международного частного права». В частности, в